

Алексей
ЧУМАКОВ

47

Алексей Чумаков

47

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чумаков А. Г.

47 / А. Г. Чумаков — «АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-093992-3

В ваших руках дневник обычного человека, который случайно стал свидетелем страшного и загадочного происшествия, навсегда изменившего его жизнь. Здесь описана всего неделя, но те кошмары, с которыми ему пришлось встретиться, действительно сводят с ума. Вы окунетесь в мрачную, полную тайн историю, которая ужасает и заставляет задуматься о том, что такое может произойти с каждым. «Как мало мы знаем! Как часто боимся открыть глаза. И лишь ночью, вздрагивая от еле слышного скрипа двери и чувствуя чей-то взгляд из темноты, мы вдруг осознаем, насколько уязвимы». Новая книга Алексея Чумакова – блестящий, в лучших традициях Дина Кунца мистический роман, который потрясет самых искушенных читателей и поразит мастерским исполнением даже истинных ценителей жанра.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093992-3

© Чумаков А. Г., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Суббота, 21 сентября	10
Воскресенье, 22 сентября	17
Понедельник, 23 сентября	28
Вторник, 24 сентября	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алексей Чумаков

47

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В книге использованы иллюстрации Алексея Чумакова

© Чумаков А. Г., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Как мало мы знаем! Как часто боимся открыть глаза. И лишь ночью, вздрагивая от еле слышного скрипа двери и чувствуя чей-то взгляд из темноты, мы вдруг осознаем, насколько уязвимы.

Не так уж много я скрывал в своей жизни. Не столько «скелетов» ютилось в моем «шкафу», чтобы запутаться в собственной лжи или хитрости. Но, видимо, я боялся признаться себе даже в этом.

Я, как и многие, держал под замком в чулане свои чувства, переживания, страхи, беды, словно бешеную тварь в заточении. И это разрывало меня изнутри, желая вырваться на свободу. Порой мне хотелось рассказать обо всем первому встречному, лишь бы начать дышать легко, но я боялся. Боялся быть уязвимым в момент возможной искренности. Боялся стать еще более ненужным – с грузом своих никому не интересных проблем. Боялся в который раз убедиться в безразличии других, потому что и сам не подпускал к себе чужие переживания.

В последнее время многое изменилось, стало каким-то странным, чужим. Все чаще возникает мысль: «Может, все это сон?» Но, увы, здравый смысл берет верх, подтверждая то, что ему же и противоречит. И, поскольку мне не с кем поделиться своей историей, я увидел единственный выход в том, чтобы записать ее. К тому же, не видя глаз собеседника, можно больше рассказать. Не видя глаз, проще защититься – расстоянием или собственным молчанием в ответ. Проще поделиться, признаться, расстаться... Отправляя свою историю в неизвестность – на суд одной или тысячи пар глаз, мне остается лишь верить в то, что кто-то поймет меня.

Изо дня в день я жил привычной жизнью, мало чем отличающейся от банального существования многих и многих других. Работа, дом, попытки хоть как-то развлечь себя, разбавляя будни редкими подобиями праздников, напрочь лишенных шика. Так и текла моя жизнь, теряясь в калейдоскопе рассветов и закатов. Но некоторое время назад произошло то, что изменило мои дни и ночи. Нечто не поддающееся логическому объяснению. Во многом я не могу найти взаимосвязь, и мне остается лишь констатировать факты. В этой книге я постарался описать все как можно внятнее, с максимальной точностью и деталями, которые помогут вам представить произошедшее подробно и ясно.

С каждым новым днем я все четче понимаю: порой возможно то, что сложно даже выдумать; то, с чем невозможно смириться; то, что в своей реалистичной противоестественности страшнее любых иллюзий; то, что вдруг меняет твой маленький мир и не дает шанса распутать паутину.

Наступает утро, приходит день, опускается вечер, а за ним и ночь, извлекающая самые страшные мысли из закоулков моего сознания. Я стал бояться смотреть, слышать, чувствовать, словно попал под снежную лавину и перестал понимать, где небо, а где земля.

* * *

В тот вечер шел дождь. Черное небо наваливалось на пустые улицы города, разглядывая себя в зеркале мокрого асфальта, наслаждаясь разнообразием собственных форм. Казалось, еще немного – и оно коснется земли.

Я впервые по-настоящему увидел небо. Раньше пасмурные дни проходили мимо меня, как банальная непогода. Лишь сегодня, глядя на тяжелые тучи, я наконец пристально всмотрелся в эту бездну устрашающей бесконечности.

Вечер был необычен во всем, от облаков причудливых форм, меняющихся от ветра, до странных силуэтов людей, исчезающих в пелене дождя между голых, скучных построек. Я увидел, о чем думают деревья, услышал их стоны, похожие на пение.

А эти люди за окном? В тот вечер они двигались заторможенно, как в замедленном кино, будто на улице и не дождь вовсе. Плавно, почти синхронно, поднимая ноги так тяжело, словно на их щиколотках висят грузы, которые становятся все непосильнее с каждым новым шагом. Темные круги вместо глаз, сухие скулы и тонкая полоска плотно сжатых губ делали всех еще более похожими друг на друга. Я вглядывался в их черты и понимал, что вижу одно и то же лицо, помноженное на десятки.

Было 20:00. На календаре красовалась цифра 16.

«Шестнадцатое сентября безвозвратно пролетело, – подумал я. – Сегодня меня уже ничто не ждет. Нет ни дел, ни звонков, никакой занятости... Господи, неужели это и есть моя жизнь? Неужели я погряз в рутине настолько, что привык к ней и не вижу в этом и доли болезненности? Не чувствую своим существом ни тени протеста? Не испытываю никаких чувств, обратив все свои рецепторы в сторону инертности и обыденности? Неужели я омертвел, словно онемевшая во сне рука, которая превратилась в болтающийся кусок мяса

с рефлекторными попытками сжать кисть в кулак, и вялые усилия пальцев бесполезны, поскольку рука не чувствует собственной жизни?»

Мне стало не по себе. Знаете, как это бывает? Ни с того ни с сего становится плохо. Я подошел к окну, прислонился к стеклу и заплакал.

Выплескивать из себя горечь и растерянность бывает важно и нам, мужчинам, хотя чаще мы стараемся сдерживаться и контролировать эмоции. Я плакал, зная, что, окунаясь в истерику с головой, можно надолго увязнуть в болоте жалости к себе и обиды на окружающих, но иногда это чертовски нужно. Позволив себе несколько минут слабости, я начал потихоньку приходить в себя. Ныло в груди, болели виски и сопел нос. Сквозь биение сердца я слышал, как вместе со мной плакало небо, как его слезы разбивались о холодный асфальт. Шел дождь.

Я стоял у окна своей темной квартиры опустошенный, потерявший счет времени и машинально разглядывал сентябрь с высоты пятого этажа. Мое внимание привлек один силуэт. Он стоял посреди улицы спиной к моим окнам, сунув руки в карманы, словно крошечная копия человека, плотно вбитая в землю рядом с игрушечным деревом. Во всяком случае, с высоты это выглядело именно так. Дождь беспощадно хлестал его, а ветер теребил полы длинного плаща. Я подошел ближе к окну. Довольно долго фигура оставалась неподвижной, словно каменная статуя. Но вдруг голова дернулась.

Я почувствовал странное волнение, словно что-то должно было произойти именно сейчас. Я ждал, но все оставалось по-прежнему, пока раскат грома не заставил меня вздрогнуть. Взглянув на сверкающую молнию, я отвлекся буквально на секунду и тут же перевел взгляд обратно на силуэт.

О господи... Он стоял все так же спиной, только теперь неестественно запрокинув голову назад, и смотрел прямо в мое окно. Торчащий подбородок и кадык, а ниже – широко распахнутые глаза вызывали отвращение. Казалось, он улыбался. Я медленно отошел от стекла, пытаясь укрыться от его взгляда в темноте комнаты, но секунду спустя, словно под гипнозом, вновь подошел к окну, и то, что я увидел, заставило мое сердце почти вырваться наружу: все люди, только что шедшие под проливным дождем каждый в своем направлении, сейчас стояли как вкопанные, с неестественно запрокинутыми головами, и с улыбками смотрели в мое окно. Я видел их одинаковые глаза, раскрытые рты, руки в карманах, мокрые плащи, колыхающиеся на ветру. Они были повсюду. Даже сквозь плотную стену дождя я видел еле заметные, застывшие, зловещие силуэты. В глазах потемнело. Я упал на колени и закрыл лицо руками.

Суббота, 21 сентября

Это был обычный день. В десять утра меня разбудила соседка и попросила мясорубку. Знаете, когда утром в субботу к тебе стучится странная женщина в грязном домашнем халате, смотришь на нее в дверной глазок и понимаешь, какую глупость ты сделал, встав с постели и развеяв сладкое пробуждение. И в тот самый момент, когда можно смело возвращаться в постель, ты вдруг зачем-то произносишь: «Кто там?»

– Здравствуйте, это ваша соседка! – послышался глухой голос с обратной стороны двери.

Я нехотя открыл дверь. Передо мной стояла очень старая женщина. Ее неряшливый вид вызывал брезгливость, а растрепанные волосы и неухоженное морщинистое лицо подчеркивали сумасшедшинку в глазах. Глубокие складки вокруг глаз и на щеках давали понять, что она любит улыбаться и, скорее всего, незлой человек. Оттянутые мочки ушей и обвисшая шея также выдавали почтенный возраст. Худые пальцы постоянно поправляли воротник грязного халата и суетливо убирали за ухо выпавшую из растрепанной прически прядь седых секущихся волос.

– Здравствуйте! – ответил я, язвительно улыбнувшись. – Какими судьбами вы к нам?

– Простите, что так рано беспокою, но вы не могли бы одолжить мне мясорубку на денек? Если она у вас есть, конечно.

Соседка мило улыбнулась, при этом ее вставная челюсть достойно удержалась во рту и не выпала на мои тапочки.

– Конечно. Вот только ее надо ополоснуть.

Я направился к кухонному шкафу, ругая себя за излишнюю услужливость.

– Знаете ли... – я начал рыться в кастрюлях, гремя ими и перекладывая друг на друга. – Я ею не пользуюсь, поэтому она немного пыльная.

Смахнув с мясорубки пыль, я направился в прихожую, но, подойдя к открытой двери, обнаружил, что соседки и след простыл. Я вышел на лестничную площадку, но и подъезд был пуст. В недоумении вернувшись в квартиру, закрыл за собой дверь. Мясорубку положил в прихожей в полной уверенности, что старушка еще вернется, и прошел на кухню. Налил себе сок и несколько минут спустя направился в спальню, предвкушая сладкие потягивания и остаток субботней дремоты под теплым одеялом.

Сок мне выпить не удалось. Открыв дверь, я вскрикнул: у моей кровати, мило улыбаясь и оглядывая спальню, стояла соседка. От неожиданности при виде взъерошенной старухи я выронил стакан.

– Вы очень чистоплотный человек, – заявила она. – Приятно иметь такого соседа! А кто эта женщина на фотографиях? Никогда не видела ее с вами...

Она взяла ближайшее фото в рамке со столика у кровати.

Я был взбешен. Выхватив фотографию и повысив тон, напомнил этой беспардонной старухе, что мясорубка ждет ее на пороге, что был очень рад помочь и теперь говорю «до свидания»!

Соседка развернулась и вышла из комнаты, трясаясь и продолжая улыбаться. Мне же остались благодарность и кошачье дерьмо на ковре, отлипшее от ее тапок.

О, если бы вы знали, как быстро и тщательно я убирал эту гадость! Брезгливо осмотрев относительно чистый ковер, я подытожил: настроение испорчено. Если, конечно, не произойдет что-нибудь хорошее. Но ничего хорошего не предвиделось, это было очевидно.

Суббота, мой самый любимый день недели! Именно в субботу сердце трепещет в предвкушении воскресенья. Именно в субботу мозг начинает расслабляться. Именно в субботу

ты счастлив! Потом наступает воскресенье, и с раннего утра ты понимаешь, что жизнь – дерьмо, что через двадцать часов или меньше наступит сраный понедельник. Снова рабочая неделя и преклонение перед тупостью шефа. Притворство, будто ты не догадываешься, чем он занимается в кабинете со своей «невинной» секретаршей. Лица коллег, измученные нескончаемыми бытовыми неурядицами и погруженные в серость будней настолько, что даже цвет кожи соответствует их настроению.

«Но сегодня суббота. Нужно забыться и насладиться этим. Суббота, суббота, суббота... Никто не испортит мне сегодняшний день!» – думал я, лежа в своей постели в десять тридцать утра.

Было пасмурно. Небо, затянутое темной пеленой, не пропускало ни единого лучика света. Завывал ветер, сгоняя хлопья туч в одно целое, чтобы пролить море слез на этот серый и без того унылый город. У природы двадцать первого сентября было отвратительное настроение, и мое было ему под стать. Мне это нравилось.

Слякоть всегда приходит с размышлениями о вечном, оттеняя одиночество привкусом пессимизма. Я словно ждал чего-то, ждал с беспокойством, тревогой и странной рассеянностью.

Желудок требовал завтрака. Я встал с постели и, не надевая халат, направился на кухню.

14:52

На кухне явственно ощущался запах, точнее, много оттенков, смешавшихся в один, вьевшихся не только в занавески и сиденья стульев, но даже в стены. Здесь пахло всеми когда-либо приготовленными завтраками, обедами и ужинами. Это был потрясающий домашний аромат, содержащий в себе целую энциклопедию воспоминаний. Ведь каждый ужин – это маленькая вечерняя история, рассказанная друзьям за бокалом вина. Каждый обед – короткая история, рассказанная второпях самому себе, ведь нужно многое успеть до окончания дня. Ну а завтрак – это непроснувшаяся мысль, которая мучает тебя еще с ночи и исчезает с первым глотком горячего чая.

Я наслаждался ароматом прошлого, пока не привык к нему и не перестал чувствовать.

Холодильник порадовал лишь йогуртом. Съев его, я наполнил пивную кружку холодным кофе и рухнул в кресло, наслаждаясь неторопливым началом дня. Меньше всего мне хотелось сейчас думать о завтра.

«Просто суббота, просто я, просто один». Или лучше так: «Просто суббота и просто я... И все равно один».

Надо же, совсем один... Я не ищу жалости к себе. Это просто факт. И, когда осознаешь свое одиночество как данность, становится страшновато. Вы, конечно, скажете: «Все в жизни можно изменить!» Да, наверное. Легко рассуждать, но нелегко менять. Нелегко начинать с нуля и вот так взять и привыкнуть к кому-нибудь. Непросто радоваться солнцу, которое светит, но не греет, а если греет, то не тебя, а когда тебя, то случайно. И даже если не случайно, то ненадолго... Нелегко желать что-то изменить, если так прирос к привычному.

Нелегко, но, наверное, возможно. Вот я и улыбаюсь, пытаюсь хоть так изменить свою жизнь!

Наверняка утомил вас философскими раздумьями. Знаю – и не претендую на гениальность написанного. Если вы походя не перевернули страницу и все еще читаете эту книгу, то вы терпеливы, и спасибо вам за это! Можете мне поверить, сейчас я улыбаюсь оттого, что вы внимательны ко мне, и благодарен за восприятие моей маленькой правды. Я ведь пишу, как могу, начитавшись разных книг значительно более профессиональных рассказчиков. И

слава богу, что среди нас есть гении, рядом с которыми витает то вдохновение, которое и побуждает нас на такое сумасбродство, как, например, написание книги.

Но вернемся в ту субботу.

Ничего интересного не происходило ни в обед, ни во время ужина. Целый день я просидел наедине со своими мыслями и лишь поздно вечером решил прогуляться поблизости от дома. Я закутался в теплый плащ, прихватил зонт и вышел на улицу.

Прохладный ветер резвился с деревьями, как ребенок. В свете фонарей тени качающихся ветвей выглядели очень причудливо. Дождя не было, но пахло осенью, и этим свежим воздухом невозможно было надышаться. Терпкий запах пара от остывающего асфальта вперемешку с дымом от сгоревших листьев – все это тоже осень, запахи детства...

Когда-то я, как и сотни других мальчишек, бежал в школу, по дороге поджигая горки опавших листьев, оставленных дворником. Как давно это было!

Я вспомнил многое, медленно шагая по улице. Вспомнил старую беззубую училку по математике, похожую на мою соседку. Бедная женщина, как же мы над ней издевались! Вспомнил молодых маму с папой, их глаза, сиявшие от каждой моей пятерки.

«Это мой сын!» – говорил отец, прижимая меня к себе.

Вспомнил, как зимним утром не хотелось вставать и идти в школу. В такие моменты я мечтал быть неизлечимо больным. Ведь они не ходят в школу! Сейчас смешно, а в то время я молил лишь об одном:

– Еще пять минут. Пять минут! – и снова засыпал.

А проснувшись, с закрытыми глазами шел в ванную и, умывшись двумя пальцами, толком не почистив зубы, ковылял завтракать. Потом надевал выглаженную мамой школьную форму, натягивал на пятки туфли, с вечера начищенные мною до блеска под присмотром отца, и нехотя топал в школу, никогда не опаздывая. А о том, чтобы прогулять урок, не было и речи! Сколько мне было тогда? Лет восемь...

Ветер игриво подул навстречу. Кажется, он заметил меня, а я был не против почувствовать его свободу. В такие минуты забываешь обо всем, шагая по листьям и наслаждаясь их увядающей красотой. Совсем как люди – они тоже не хотят умирать.

Я остановился и оглянулся. Мой дом остался далеко позади, пора было идти обратно. Развернувшись, я направился назад, вдыхая всей грудью аромат вечера, играющий на белых клавишах моих воспоминаний.

23:47

...Лет восемь, девять, неважно, вернее, не это было важно. Самое интересное началось, когда мне исполнилось десять лет! В день рождения мы накрыли огромный стол, собрались родственники, друзья родителей. А главное – пришел весь мой класс.

Я очень готовился. Мама в честь праздника купила мне костюм, состоявший из бежевой жилетки, бежевого пиджака, бежевых брюк, светло-бежевой рубашки и огромной яркосиней бабочки. Признаюсь, бабочка мне сразу не понравилась, тем более что носки и туфли были коричневыми. Мне это показалось чертовски безвкусным, и я по глупости сказал это маме, чем расстроил ее до слез. Мне хватило ума не снять бабочку и, рассмотрев себя в зеркало со всех сторон, заявить, что все-таки стиль «что надо»! А мама лишь улыбнулась в ответ, не объясняя мне, сколько сил было потрачено на то, чтобы накопить денег на этот костюм. Позже, во время праздника я «случайно» испачкал бабочку кремом, и от нее пришлось отказаться. Вот тогда костюм понравился мне по-настоящему.

Мой десятый день рождения был потрясающим! Я помню его обрывками, но в душе сохранилось то состояние безграничного, настоящего счастья! С того дня прошло много лет, но и по сей день я ни разу не испытывал такого почти сумасшедшего удовольствия.

Были конкурсы, песни, я вставал на кресло и с выражением читал стихи. Друзья следовали моему примеру, и каждый хвастал своими талантами. А потом мама вынесла торт с десятью свечами, и я задул их все сразу!

И вот праздник завершен. Гости разъехались по домам, а я, уставший и счастливый, принялся распаковывать подарки. Мама на кухне гремела посудой, а папа передвигал сдвинутые к столу стулья в гостиной. Я же сидел у себя в комнате и с жадностью рассматривал тетради для школы, наборы карандашей, книжки с пожеланиями бывшему хозяину от неизвестно кого, по невнимательности передаренные мне.

Помню, как на следующий день не пошел в школу. Законно, с разрешения родителей весь день пропадаю во дворе с соседскими мальчишками, хвастаясь огромным биноклем, который подарил мне папа. А вечером, вдоволь наигравшись, я, уставший и чумазый, но бесконечно счастливый, взбирался по лестнице домой, где меня любили и ждали. Еле стоя на ногах, вымыв руки, ноги и лицо, не слыша слов мамы о том, что пора ложиться на бочок, я рухнул в постель и уснул самым крепким сном в своей жизни.

Следующее утро началось как обычно: я еле встал с постели, умылся, позавтракал и вышел из дома в восемь тридцать. По дороге в школу, в автобусе вдруг пришла странная мысль: «Мне уже десять лет, и я не заметил, как они пролетели. Большую часть из них я даже не помню. Еще каких-то десять лет – и мне будет двадцать. Плюс еще десять – и тридцать, сорок, пятьдесят...»

Я был совсем ребенком, но осознание того, что жизнь когда-нибудь закончится, сильно напугало меня. Я вдруг понял, что все хорошее поздно или рано прекратится, уступая место неизведанному, а потому страшному, тому, что все мы называем смертью.

В школу я приехал в дурном настроении, но, как всегда, вовремя. Положил учебники на угол парты и уселся в ожидании учителя, глядя сквозь одноклассников, которые сходили с ума, прыгая по классу. И тут произошло то, что изменило мою жизнь навсегда и мигом выбило дурные мысли из головы, заставив забыть обо всем на свете.

Сквозь шум и гам скрипнула дверь, и на пороге появилась Она! В эту секунду все вокруг исчезло, так же, как затихло мое сердце.

Следом вошел преподаватель, и все мигом успокоились. Учитель представил классу новенькую, но я уже ничего не слышал, словно с головой окунулся в морские глубины. Она стояла неподвижно и слегка улыбалась, а затем не спеша направилась к моей парте.

Ее длинные темные локоны, тяжелые на вид, развевались, словно ветер, заблудившийся в школьных стенах, играл только с ними. Огромные, чуть испуганные глаза растерянно глядели по сторонам, но направлялась Она именно ко мне! Я опьянел от предвкушения и, затаив дыхание, ждал. Она подошла, смущенно улыбнулась и села рядом, бросив еле слышное:

– Привет.

В этот миг я был готов провалиться сквозь землю и, глядя на учителя, натянутый как струна, боялся задеть Ее даже боковым зрением.

Начался урок, а в моей голове был сумбур. Я не воспринимал ни единого слова преподавателя, хоть и глядел только на него. Вдруг Она наклонилась ко мне и шепотом спросила:

– Ты так и будешь сидеть, как истукан, или все-таки начнешь писать?

Я вздрогнул и повернулся.

Ее лицо было рядом с моим, и мы случайно коснулись друг друга носами. Она тихо засмеялась, а я, чувствуя, как кровь приливает к моим щекам, и стараясь сосредоточиться, взял ручку и начал писать. Мой нос все еще ощущал Ее прикосновение, и это было восхитительно!

Я подошел к своему подъезду, оглянулся на пустынную, темную улицу и посмотрел на часы: 00:15.

Похолодало. Ветер гонял листья. Фонари, уныло склонившись, рассматривали лужи, а я шагнул в теплый подъезд, закрыл за собой дверь и прошептал: «До свидания, суббота».

В подъезде было темно. Я поднялся на пятый этаж, вслепую нащупал замочную скважину и открыл входную дверь. В квартире тоже не было света, и выключатель не реагировал. Я закрыл за собой дверь, снял обувь, плащ и прошел в комнату, по пути вспоминая, где у меня могут быть свечи. Порывшись в шкафах, нашел несколько штук и там же нащупал коробок спичек. Затем на ощупь налил себе сок и уселся в любимое кресло.

В мерцании свечей привычная квартира выглядела иначе, словно я находился не у себя дома. Тишина и полумрак снова погрузили меня в воспоминания, и я, наслаждаясь уютом, продолжил свое грустное путешествие по закоулкам памяти в неисправимо-счастливое прошлое.

...Она была божественна! Пусть это звучит громко, я готов повторять это тысячи раз. В Ней сочетались неподдельная мудрость и детская наивность, красота души и безупречная внешняя красота. Все это сплелось в одной женщине, ставшей моей первой и, как оказалось, единственной любовью. В тот миг, когда Она вошла в класс, я вдруг понял, что это часть меня. Как же я жил без Нее целых десять лет? И уже тогда я знал точно, что отныне мы будем вместе.

С высоты прожитых лет я все больше восхищаюсь Ею, искренне не понимая, как десятилетняя девочка могла настолько ощущать меру – в общении, флирте, в высказываниях, во всем! Стоит ли говорить, что под Ее чары попал не только я?

Помню, была ранняя весна, темнело быстро, и в один из таких вечеров я возвращался домой. За воротами школы меня поджидали четверо старшекласников, эдаких местных бандюганов. Один из них подошел ко мне вплотную и, теребя спичку во рту, велел никогда больше не подходить к Ней. А для большей убедительности хорошенько меня отдубасил и разорвал старый дипломат.

Тогда, лежа на земле и чувствуя вкус крови во рту, я был счастлив. Мне льстило, что они считали меня своим конкурентом и что Ее симпатия ко мне была очевидна.

Отлупили меня, надо сказать, прилично. Две недели я пролежал дома с сотрясением мозга, проклиная каждый час, проведенный без Нее. Пока в один из скучных дней в мою комнату не вошла мама:

– Сынок, тут к тебе пришли... – в ее голосе была растерянность.

На пороге стояла Она с огромной коробкой шоколадных конфет в руках.

– Привет! Я очень... – Она замялась. – Как ты? Лучше?

С тех пор мы не расставались.

Школа осталась позади, началась взрослая жизнь: первый курс института, уверенный шаг к высшему образованию. Мы все так же были вместе. И хотя прошел не один год с момента нашей встречи, моя любовь к Ней становилась все сильнее. Но, с вашего позволения, я не стану рассказывать все и перелистну несколько страниц своей жизни.

Я знал Ее почти всю свою жизнь, но, когда решил сделать предложение, почувствовал себя самым нерешительным идиотом, не сумевшим произнести ни единого слова. Она сидела напротив и улыбалась. Я же, как мальчик, не мог даже взглянуть Ей в глаза. Так мы и просидели несколько минут.

– Дай мне подумать, – нарочито серьезно произнесла Она. – Ммм... Пожалуй, я согласна.

А я так и не произнес ничего и просто смотрел, наслаждаясь Ее красотой и нашим счастьем.

Дальше – пышная свадьба. Мне пришлось проститься со своим стареньким автомобилем, а родители достали последние сбережения, оставшиеся после продажи небольшой квартиры на окраине города.

Мы были оглушены счастьем. Лучистые глаза родителей со слезами радости, пьяные выкрики друзей и завистливые взгляды подруг – все было незабываемо. Фейерверк улыбок и красоты! Затем первая брачная ночь, плавно перетекающая в медовый месяц... Все как у людей и даже лучше, поскольку в дальнейшем быт совершенно не исковеркал наши отношения. Все происходило с точностью до наоборот: с каждым часом, днем, месяцем, годом мы влюблялись друг в друга сильнее, и секунда разлуки стала равносильна пытке!

«Она не может иметь детей». Слова специалиста звучали как смертный приговор. Мы оба прошли обследование повторно, но результат был тот же. Я долго не верил, и в глубине души что-то нашептывало мне: «Ошибаются». Но после нескольких тщетных попыток остаток надежды сменились страшной депрессией.

Спустя время возникла мысль взять приемного малыша, но я не представлял чужого ребенка в нашей семье. Мне нужна была только моя кровинка – моя и любимого человека. Я так и не сумел перешагнуть этот барьер, добывая злосчастным эгоизмом собственную семью.

– Ты разлюбил меня? – спросила Она однажды.

– Нет.

– Я хочу тебе верить, – я слышал в Ее голосе опустошенность.

– Я тоже хочу верить себе.

– Но ты перестал верить в меня.

Я молчал, и мне было больно оттого, что Она права. Мы стали отдаляться друг от друга, хотя боялись этого всем своим существом.

– А помнишь, как ты поцеловал меня в первый раз? – Она неуверенно улыбнулась.

– Да, – я готов был разорвать себя в клочья за холод ответов.

– Я тоже помню. Помню всего тебя. Каждый твой взгляд, каждый вздох.

Я лежал в темноте в нашей постели и старался не заплакать. Она наверняка это чувствовала.

– Ты у меня один, но я смогу жить без тебя, если буду точно знать, что ты счастлив. Если решишь так – я пойму. Это правда.

Мне было трудно дышать. Горло опухло, и я больше не мог сдерживать слезы, стараясь хотя бы не всхлипывать. Я плакал тихо, сжав зубы и еле дыша, зажмурив глаза, не двигаясь ни единой мышцей, словно в судороге, держа эмоции в клетке под названием «я». Зная, что Она нуждается в понимании в тысячу раз больше, чем я, зная, что Она уже не может плакать, я продолжал молчать. Как мне хотелось обнять Ее! Как хотелось расцеловать мою жизнь, сосредоточенную в Ней, как хотелось... Но я не смог даже разжать кулаки, впиваясь ногтями в кожу все сильнее, чтобы хоть как-то наказать себя... Какой я был дурак! Бог мой, за что я так с Ней?

Спустя годы боль утихла, и мы, истощенные стрессами, вернулись в прежнее русло, насколько это было возможно. И вдруг, словно луч солнца среди пасмурного неба, произошло то, что сделало меня самым счастливым человеком на земле: Она была беременна, и это было похоже на сказку. Я долго не верил, а после был готов кричать об этом во весь голос! Мы словно вступили в новую жизнь, где краски казались ярче. И по ночам, лежа в кровати, обнимая самых дорогих мне людей (теперь Она была не одна, внутри нее спал маленький человечек, свернувшись в комочек), я думал: «Как много мне дала судьба! У меня прекрасные родители, и я нашел свою любовь, когда мне было всего десять лет, а ведь многие не находят ее за всю жизнь. И вот теперь, несмотря на приговор врачей, судьба сделала мне

настоящий, сверхъестественный подарок!» Я был безгранично благодарен Богу и столь же безгранично растерян.

«Неужели заслужил?» В своей жизни я познал настоящее счастье и благодарен за это Небесам.

Она умерла шестнадцать месяцев назад, на седьмом месяце беременности.

Воскресенье, 22 сентября

15:00

Тусклый свет пробивался сквозь занавешенное окно, но солнца снова не было видно из-за туч. Я еле открыл глаза. В эту ночь я спал семь часов. Немало, но сонливость не покидала меня, сбрасывая скорость мыслей, бьющихся о стены черепной коробки.

Обычно в воскресенье я делаю уборку, а вечером пытаюсь развлечь себя: иду в кино-театр или на концерт, когда это случается в нашем маленьком городке. И это воскресенье я планировал провести так же. Я включил телевизор и направился на кухню.

«И все-таки насколько все относительно в этом мире... Я только что встал и готовлю себе завтрак, хотя сейчас уже четвертый час дня и для многих уже закончился обед. Каждый живет своей жизнью, не имеющей ничего общего с окружающим миром. Мы – часть этого мира, но когда умираем, никому нет до этого дела...»

Раздумывая о смысле жизни, я приготовил себе омлет, налил чай в огромную кружку, плюхнулся на диван и начал листать телевизионные каналы:

– Сейчас, вспоминая классиков баскетбола, мы...

– Я не смогу простить тебя! Ты вычеркнут из моей жизни...

– Более того, самка этого подвида отличается особой агрессивностью...

– А я говорю ему: «Парень, твоя мама такая толстая, что ей понадобится Тихий океан, чтобы один раз подмыться!»

– Отче наш, живущий на небесах...

– Сегодня около шести часов утра скончался известный художник...

– Бросок по воротам, го-о-ол!!!

Я вернулся к предыдущей передаче: «Обстоятельства трагедии еще не выяснены. Чуть позже эксперты расставят все точки над *i*, но пока рассматривается основная версия – самоубийство. Мы расспросили ближайших друзей умершего:

– Это был потрясающий человек. Бодрый, веселый. Оптимизм не покидал его даже в самые нелегкие минуты. Он не мог стать жертвой суицида, это исключено.

К этим словам присоединились все, кто знал погибшего.

Что заставило молодого художника совершить этот поступок? Кто подтолкнул его в бездну? В чем причина? Мы будем сообщать вам все новости об этой загадочной смерти по мере поступления. Не переключайтесь».

Ох уж эти журналисты... Человек покончил с собой, а им лишь бы не переключали канал.

Живем для того, чтобы умереть, умираем для того, чтобы забрать с собой еще кого-нибудь. Интересно, что чувствует человек в момент самоубийства? Чего боится и боится ли? От чего бежит? Иногда я задумываюсь: самоубийцы сильные или все-таки слабые люди? С одной стороны, уничтожить человека физически – элементарно, несложно убить и себя. Для этого не нужно быть профессионалом, достаточно порыться в Интернете и почитать форумы близких по духу. Раз – и все! Бывают, конечно, неудачные попытки, но это уже детали. Но сколько нужно силы, чтобы решиться на такой поступок, и сколько уверенности в своей правде! Это же безгранично страшно: боль, ужас, смерть. А что потом? С другой стороны, в этот момент человеком движет страх, затуманенный рассудок, усталость от происходящего вокруг. Суть самоубийства – неумение противостоять обстоятельствам. Неуверенность в своем прошлом, настоящем и будущем. Полное отсутствие иммунитета перед жестокостью мира и, как следствие, нежелание сопротивляться. Слабый человек выбирает страшный путь прекратить свои мучения, путь ужасный, до предела наполненный эгоизмом. Но завершает

ли он мучения? Как знать... Конечно, все субъективно, но мне кажется, что слабости и глупости в таком поступке больше, чем храбрости и ума.

15:27

Раздался стук в дверь. Я нехотя встал:

– Кто там?

– Уважаемый, здравствуйте! – раздался скрипучий голос. – Это ваша соседка.

Я открыл дверь. На пороге снова стояла старуха, но вместо убогого халата и растрепанных волос я увидел пусть и увядшую, но все-таки женщину и ее глупую и неудачную попытку выглядеть нарядно. Редкие белые волосы были собраны в пучок. Веки неровно подведены черным карандашом, а ярко накрашенные губы казались еще краснее на фоне морщинистого, выбеленного пудрой лица. На ней было странное платье, похожее на сшитые куски пыльной занавески, и бирюзовая брошь в виде цветка на груди. Смотрелась она не наряднее прошлогодней рождественской елки, но ее неугасающее желание быть красивой поразило меня. И я вдруг проникся к ней таким уважением, таким чувством искренней, доброй жалости, что весь мой сарказм бесследно улетучился.

– Проходите, – растерянно произнес я.

– О нет, что вы... – она смущенно улыбнулась и кокетливо опустила глаза. – Очень вам признательна, но не могу. У меня сегодня гость и совсем нет времени – очень много дел. Такой день! – она игриво поправила свою шевелюру. – Я, собственно, принесла вашу мясорубку и испекла пирожков в честь такого события! Вот, решила поделиться и с вами.

Она протянула мне небольшой сверток бумаги, пропитанный маслом.

– Ой, ну зачем же? – воскликнул я.

– Возьмите, возьмите, это вам! – она сияла.

Я взял сверток и до блеска вычищенную мясорубку, еще раз поблагодарив соседку. Она тут же попрощалась и удивительно легко вспорхнула по лестнице.

Я закрыл за ней дверь и прошел на кухню. Давно моя мясорубка так не блестела! Открыв первый попавшийся шкафчик, затолкал ее поглубже.

Пирожки выглядели очень аппетитно – жирные, но с прожаренной корочкой, именно так, как я люблю! Их аромат моментально наполнил квартиру уютом, и под чавканье и довольное сопение я вновь погрузился в информационный мир телевидения.

Чай с лимоном, удобное кресло и начавшееся ток-шоу напомнили мне о воскресном настроении. Стало очень тепло глубоко внутри.

Давно мне не было так комфортно. Казалось бы, всего лишь пирожки – ан нет, мне давно никто не пек... Насколько мы невнимательны к таким повседневным мелочам! Осенний вечер, дождь и пронизывающий ветер, уставший человек приходит домой, где его ждут... Вы только вдумайтесь: человек пришел домой! Его встречают несколько пар сияющих от радости глаз, а он снимает пальто, закрывает дверь на все замки и оказывается в мире, полном любви и тепла. За окном беснуется ветер, рыдает небо, и лишь холодная луна спокойно выглядывает из-за черных туч. Она в этот миг – единственное светлое пятно в бездонном и мрачном небе. Но здесь – рай. Из кухни доносится пьянящий аромат уже почти готового пирога, такой, что можно захлебнуться собственной слюной. Долгожданный ужин. Все в сборе. Все рядом.

Как давно мы радовались таким минутам? Почему мы разучились ценить эти мгновения подлинного счастья? Зачем это превратилось для нас в обыденность и банальность? Как жаль... Зато сейчас я, как мальчик, обрадовался четырем остывшим пирожкам.

Что имеем, не храним, потерявши – плачем.

18:20

Надо как-нибудь отблагодарить соседку. Но как и чем? Немного поразмыслив, решил подарить ей мясорубку. Все равно лежит без пользы.

Я вытащил из ящика подарок, завязал на талии домашний халат и вышел на лестничную площадку.

Старушка жила прямо надо мной. Поднявшись наверх, я увидел старую, обшарпанную дверь с проржавевшими металлическими цифрами «47». По всей видимости, она была ровесницей хозяйки: криво прибитые цифры почти слились с фоном, образуя тандем грязно-коричневого дерева и потускневшего металла.

Вся нижняя часть была расцарапана кошками, которых старушка периодически выпускала на прогулку. Подойдя ближе, хотел было позвонить, но дверь оказалась открытой. Я постучался, придерживая ручку, немного подождал и заглянул в коридор. В квартире не горел свет, и мне потребовалось время, чтобы привыкнуть к полумраку. Несколько секунд спустя я робко шагнул на порог, машинально прикрыв за собой дверь. Раздавшийся при этом скрип эхом пронесся по пустому подъезду.

– Простите, это ваш сосед. Кхм-кхм... Буквально на минутку, – с этими словами я медленно прошел по коридору к приоткрытой двери в гостиную. – Я тут подумал и решил... – толкнув дверь, заглянул в зал. – Все равно не пользуюсь мясорубкой, может, вам она пригодится?

В гостиной никого не было. В центре комнаты стоял круглый стол, накрытый светлой целлофановой скатертью, и два стула. На столе – ваза с пирожками и две пустые тарелки с приборами. На краю лежала короткая, чуть увядшая роза. Стены были оклеены засаленными, местами ободранными обоями. Всюду валялись вещи и лоскуты выцветших занавесок, словно из них пытались что-то сшить. Видимо, насчет материала для платья я не ошибся.

В углу виднелась древняя швейная машинка, и пожелтевший тюль свисал с нее на пол, словно фата. Стрелки на старых часах с кукушкой остановились ровно на двенадцати, а антикварный сервант под ними был набит всяким барахлом. В квартире царили полумрак и прелый, затхлый запах. Подняв голову, я увидел, что в патроне, сиротливо свисающем с потолка, нет лампочки.

«Старушка точно не в своем уме», – подумал я и прошел на кухню.

Первое, что бросилось в глаза, – это огромная гора грязной посуды. Словно кто-то устраивал пир несколько недель назад и забыл убрать за собой. Из крана размеренно капала вода, и капли глухо били о кастрюлю с точностью метронома. Старая кухонная мебель была покрыта толстым, почерневшим слоем жира. Электрическая плита поражала способностью все еще работать, а холодильник всем своим видом умолял: «Не открывай меня». Отвратительно пахнущая кухня кишела тараканами. Эти твари не только не разбежались при виде меня, а, наоборот, выказали свое хозяйское превосходство абсолютной невозмутимостью.

«М-да, а пирожки все-таки были вкусные. Знал бы, где их делали...» – я скривился и вышел из кухни.

– Эй, есть кто-нибудь? Ау!

Дверь в спальню была закрыта. Я вернулся в коридор и хотел было уйти, как вдруг заметил приоткрытую дверь в ванную. Я заглянул туда. Прелый и зловонный воздух старой ванной резко ударил мне в нос. Здесь было влажно, словно кто-то недавно принимал горячий душ. И без того затхлая квартира тут же наполнилась еще более тошнотворным запахом. Я скривился и вспомнил о кошках: «Эта чокнутая подбирала их во дворах и тащила домой, а где они сейчас? Впрочем, дверь была незаперта, возможно, они выбежали из квартиры».

И тут я сделал глупость, о которой жалею до сих пор. Найдя в кармане халата спичечный коробок, лежавший там еще со вчерашнего вечера, я зажег спичку и зашел в ванную.

Бог мой! То, что я увидел в тусклом свете пламени, повергло меня в такой ужас, что очнулся я, когда догорающий огонь обжег мне пальцы. До тех пор я стоял как вкопанный, не в силах даже вдохнуть.

Не помню, как оказался у себя в квартире, но тяжелое дыхание и выскакивающее из груди сердце давали понять, что я бежал сломя голову, без оглядки. Быстро заперев за собой входную дверь, я оперся о нее и, словно мякиш, сполз на пол. Ноги отказывались держать. Сердце не успокаивалось. Немного отдышавшись, попытался сосредоточиться, но в голове царил хаос. Я поднес отяжелевшие руки к лицу. Ледяные кисти были мертвенно-бледными, с еле заметной желтизной. Пальцы стали тоньше. Я собрал их в кулак и снова разжал. Розовые пятна сразу же растворились в бледном восковом оттенке кожи. И тут мне на ум пришла первая внятная мысль: «Я наверняка выгляжу настолько дерьмово, что подходить к зеркалу чревато таким же шоком, какой я испытал минуту назад».

Картина, увиденная в ванной соседки, словно фотография, застыла перед глазами. Я запомнил все до мелочей, словно часами смотрел на этот ужас, тщательно вглядываясь в подробности. И от осознания того, что прямо над моей головой, буквально в двух метрах «красуется» такая тошнотворная картина, меня еще больше бросило в дрожь.

Немного придя в себя, я побрел в ванную и умылся холодной водой. Тошнота подкачивала к горлу, а ноги еле держали меня, будто пластилиновые. Я склонился над раковиной и не смог сдержать рвоту.

«Боже мой, зачем я зашел в эту чертову ванную? Для чего вообще поперся в эту квартиру?»

Эти мысли все настойчивее пульсировали в висках.

«С твоей-то впечатлительностью, – говорил я сам себе, – ты никогда в жизни не сможешь выкинуть это из головы».

Я неохотно поднял трубку телефона и набрал номер.

19:35

В дверь позвонили. Я посмотрел в глазок: на пороге стояли три человека в строгих костюмах. Их лица казались каменными масками. Справа стоял высокий, крепкий парень, державший кисти рук в замке в районе паха. Посредине – сухой мужчина среднего роста с короткими ухоженными волосами цвета мокрого асфальта. Он был в темных очках, несмотря на позднее время суток. Слева, чуть позади стояла девушка с незапоминающейся внешностью; таких обычно называют «серыми мышками».

– Слушаю вас, – сказал я, не торопясь открывать.

В ответ они представились. Я щелкнул замком, и незнакомцы, не разуваясь, прошли в квартиру. Мой ковер из прекрасного подарка родителей на свадьбу тут же превратился в грязное покрытие для пола. Гости без церемоний расселись на диване, разрешив присесть и мне. Повинуясь, я сел на край кресла.

– Уважаемый, – начал мужчина в солнцезащитных очках-капельках, полностью скрывающих глаза. – Звонок поступил от вас?

– Да, – робко ответил я.

Он повернулся к девушке и кивнул ей. Она достала ручку и несколько листов бумаги, аккуратно сложила их в стопку и приготовилась записывать.

– Вы живете один? – продолжил мужчина.

– Да.

– Один?

– Один.

– Родители?

– Они живут в другом городе.

- Животные есть?
- Нет.
- Были?
- Никогда не было.
- Женаты?
- Да, был.
- Разведены? Дети есть?
- Детей нет и не разведен. Я вдовец.
- Давно умерла?
- Год и четыре месяца тому назад.
- Причина?
- Их переехал автобус.
- Их? – Он приподнял бровь.
- Она была беременна.
- Понятно. На каком месяце?
- На седьмом, – капелька пота тонкой и прямой линией скатилась по моей щеке.
- Хоронили из квартиры или из морга?
- Простите, – я был в замешательстве. – Это так важно?
- Так, – перебил меня мой собеседник. – Задавать вопросы – это моя профессия, а ваша
- отвечать на них и не задавать вопросов в ответ.
- Да, но, на мой взгляд, все это не имеет отношения к конкретному обстоятельству, – продолжил настаивать я.
- Давайте мы с вами договоримся вот как, – мужчина нервно вздохнул. – Вы отвечаете на наши вопросы, а мы обещаем не обращать внимания на ваши взгляды на то или иное обстоятельство. И мы подружимся. Договорились?
- Из морга, – тихо произнес я.
- Отлично! – при этих словах он лениво наклонился к рядом сидящему парню и что-то шепнул на ухо. Девушка продолжала записывать каждое слово.
- Паспорт, будьте любезны, – не отрывая глаз от исписанной бумаги, сказала она.
- Я встал с кресла, пошел в спальню, нашел в письменном столе паспорт, тщательно завернутый в прозрачный полиэтиленовый пакет, и, вернувшись в гостиную, протянул сверток девушке:
- Вот, пожалуйста.
- Она кивнула.
- Есть контактный телефон?
- Домашнего нет, но есть мобильный и рабочий.
- Диктуйте.
- Она записала все данные и вернула мне документ.
- Так, – продолжил мужчина. – Давно живете в этом доме?
- Относительно давно, лет пять.
- С соседями контактируете?
- Я бы так не сказал. Живем как-то обособленно, каждый сам по себе. Ограничиваемся приветствием, и то не всегда.
- С кем-нибудь враждуете?
- Нет, я вроде мирный сосед, – я нервно улыбнулся.
- Так, понятно. С хозяйкой сорок седьмой квартиры общались часто?
- Нет. Иногда пересекались на лестничной площадке, приветствовали друг друга, не больше. Когда супруга была жива, я и вовсе не видел ее. Старый человек, может, было что-

то со здоровьем... Во всяком случае, чаще я стал встречать ее последний год, хотя живет она здесь, похоже, очень давно.

– Замечали в ее поведении что-нибудь странное?

– Ну, если странности и были, то, безусловно, в силу возраста. Забывчивость, вялость, может, некая придурковатость, простите.

– Так, – не отставал мужчина в очках. – Если вы не общались с соседкой, то каким образом попали в ее квартиру? Вы же не могли проходить мимо и случайно заглянуть, поскольку она живет отнюдь не по пути к вам, – он улыбнулся, и даже сквозь черные очки я почувствовал холодный и пронзительный взгляд.

– Конечно, не проходил мимо. Я специально поднялся, чтобы...

– Чтобы что?

– Чтобы подарить ей мясорубку.

– Мясорубку?

– Да, мясорубку. Вчера соседка заходила ко мне и одолжила ее ненадолго. А сегодня после обеда занесла обратно – и пирожки в придачу.

– Пирожки?

– Да, пирожки. А что здесь удивительного? В знак благодарности за мясорубку.

– За мясорубку, – повторил «гость».

Все это время я чувствовал себя полным идиотом. Он оттачивал на мне сарказм, даже не скрывая этого:

– И где же пирожки?

– Я их съел.

– Так, значит, пирожки... Значит, на пороге сорок седьмой квартиры лежит ваша мясорубка?

– Да, я ее там оставил.

– Оставили?

– Выронил после того, как заглянул в ванную. Я вообще ничего не помню после этого.

В себя пришел уже в своей квартире.

– Так, мясорубка в подарок? Странно.

– А что в этом странного? Просто мне она оказалась не нужна, а у старушки ее не было.

И я подумал, почему бы не сделать приятное человеку?

– Так... Я понимаю, понимаю. И цветок принесли в придачу?

– Вы шутите?

– Нет, просто вы же хотели сделать человеку приятное. Мало ли.

– Нет, только мясорубку.

– Хорошо. Ну, а животные?

– Что животные?

– У нее были животные?

– Да, кошки...

– И сколько примерно кошек у нее было?

– Понятия не имею, – я пожал плечами. – Но точно не одна.

– Вы говорите, что соседка заходила к вам и вчера, и сегодня?

– Именно так.

– Постарайтесь вспомнить, может, в эти два дня в ее поведении было что-то необычное?

Я на секунду задумался:

– Знаете... Если это можно считать необычным, вчера, когда она пришла в первый раз, она выглядела по-домашнему, немного неряшливо. А сегодня совсем иначе.

– Точнее.

– Нарядней, что ли... Нелепо, конечно, но все-таки не в старом халате.

– Хм... Нарядней? – не унимался тот.

– Чувствовалось, что она к чему-то готовилась. Прическа, помада, пудра... Перед уходом она сказала что-то вроде: «У меня сегодня много дел» или: «Я должна многое успеть».

– И?

– И поднялась к себе, очень торопясь.

Гость потер подбородок, задумчиво посмотрел на коллег и резко повернулся в мою сторону:

– Расскажите, что вы увидели в сорок седьмой квартире, – он четко выговаривал каждое слово.

Я вздрогнул.

– Ни в коридоре, ни в зале, ни на кухне, ни в ванной не было света. В патронах просто не было лампочек.

Над очками мужчины снова показалась приподнятая бровь:

– Продолжайте.

– Пройдя в зал и на кухню, я понял, что соседка отсутствует. Пошел к выходу, но решил заглянуть в ванную. Ничего не увидел и достал спички.

– Так, скажите, вы всегда носите с собой коробок спичек?

– Нет, просто они валялись в кармане халата с тех пор, как у нас отключали электроэнергию.

– Так-так, продолжайте. Вы зашли в ванную – и?

– Да... Я зашел в ванную и в свете зажженной спички увидел отвратительную картину.

– Точнее. Подробнее.

– Мой взгляд словно сфотографировал все до мельчайших подробностей. Сначала в полумраке я увидел несколько натянутых бельевых веревок. На веревках висели вывернутые мясом наружу шкуры, по всей видимости, кошек. Там же висели и тушки. Весь кафель на стенах и на полу был в крови. Стены были не забрызганы, а измазаны кровью, повсюду были отпечатки ладоней и пальцев. Судя по тому, что цвет варьировался от ярко-красного до почти черного, занимались этим долго.

– Хм... – мужчина круговыми движениями потер виски. – Надо же, вы так хорошо разбираетесь в особенностях свертывания крови! Увлекаетесь медициной?

– Нет, я не связан с медициной. Для того, чтобы знать о том, что кровь темнеет от свертывания, необязательно заканчивать медицинский колледж. Достаточно изредка смотреть телевизор.

Мой собеседник снисходительно усмехнулся уголком рта.

– На полу из запекшейся лужи торчали клочки светлых волос. Рядом лежали старые швейные ножницы. В раковине невысокой горкой лежали внутренности, а над ними висело небольшое зеркало, почерневшее и вздувшееся от старости. На нем было что-то написано. Что именно – я не разобрал, но писали кровью и очень аккуратно, без подтеков. Сама же ванна была наполнена густой багровой жидкостью вперемешку с внутренностями. И в этом месиве лежал труп старухи, – я почувствовал тошноту, встал, открыл окно и жадно вдохнул прохладный воздух.

– Так, как именно выглядел труп?

– Вы явно стремитесь к тому, чтобы меня стошнило, – возмутился я. – Вы же видели его!

– Да, но нас интересует, что видели вы.

– Не думаю, что есть отличия.

– Вот это мы и хотим уточнить.

– Я не стал его разглядывать. Мне сложно смотреть на такое, как и любому нормальному человеку.

– А я, по-вашему, ненормальный человек? – улыбнулся незнакомец. – Мне же несложно.

– Вы – привыкший человек. Профессия у вас такая.

– Значит, дело не в ненормальности?

– А что нормального в равнодушном отношении к изуродованному труп?

– Человек ко всему привыкает.

– Я не хочу к такому привыкать.

– Ну, хорошо, мы отвлеклись, – поправляя очки, произнес он нестрогим тоном. – Я все-таки хочу услышать подробности.

– Из всей этой мерзости, которой была наполнена ванна, выглядывали лишь лицо, кисти рук и пальцы ног, а туловища я не видел. Голова была лысой. Пострижена, но очень неаккуратно. Видимо, теми самыми ножницами, которые лежали на полу. На лице не было никакой гримасы, лишь приоткрытый рот и открытые глаза. Правда, ни зрачков, ни белков видно не было, потому что их залила кровь.

Все еще стоя у приоткрытого окна, я глубоко вдохнул и вернулся к креслу, стараясь не думать о тошноте и настраиваясь на официальный лад. Тишина длилась недолго. Первым вновь заговорил он:

– Так, ясно. Увидев все это, вы направились к себе в квартиру?

– Направился?! Я бежал сломя голову!

– А там ничего не трогали?

– Конечно, нет! О чем вы? Я даже мясорубку выронил!

– Так, придя домой, вы?..

– Я отдышался и позвонил...

– А почему сразу нам, а не в скорую?

– Ну, как мне показалось, соседка была мертва. Я ошибся?

– Нет, конечно, – они рассмеялись. – Она мертвее всех мертвых! Сколько прошло времени с момента, как вы увидели труп, до того, как позвонили нам?

– Может, минут пять-семь.

– Так, так... Мы только что были в той ванной комнате. Но, видите ли, в чем дело...

– В чем?

– А в том, – продолжил гость, переглянувшись с коллегами, – что в сорок седьмой квартире мы увидели почти такую же картину, какую описали вы, за исключением одного: труп лежит лицом в воде или... как хотите, называйте эту жижу! И лысый затылок никак не перепутать с лицом. Если не верите, можем подняться и посмотреть еще разок все вместе.

Я онемел и уставился на свое отражение в его очках.

– По мнению наших специалистов, работающих сейчас на месте, старушка мертва около двух часов. Мы, конечно, склонны вам верить, но как объяснить то, что, будучи мертвой, она смогла перевернуться?

Я молчал.

– Вы уверены, что видели лицо с открытым ртом и глазами?

– Уверен.

– Не могли ли вы что-то перепутать от шока?

– Нет. Это как моментальный снимок у меня в голове...

– Мы поняли. Не нужно нервничать.

– Я спокоен. Просто не понимаю... Я не трогал ее, правда!

– Хм... – мужчина откинулся на спинку дивана и задумчиво уставился в потолок. – Я верю вам. Такую гадость мало кто захочет потрогать. Хотя я знаю парочку таких извращенцев.

Они негромко рассмеялись. Девушка прикрыла рот рукой и еле заметно покраснела. Затем главный кивнул ей, и она тут же протянула мне листок бумаги.

«Кисонрукигонейинилдогенутишыдолежатноюьревдазьседзно».

– Что это? – я заинтересованно крутил его перед глазами. – Какой-то бессмысленный набор букв!

Я читал эту чушь, видя боковым зрением, что все трое внимательно смотрят на меня. Отложив лист, я непонимающе пожал плечами.

– Не узнаете ничего?

– В каком смысле?

– Ну, это не кажется вам знакомым?

– Нет...

– Точно?

– Вполне.

Мужчина улыбнулся.

– Зеркало.

– Что зеркало?

– Именно это было написано на том самом зеркале, «кровью и очень аккуратно», как вы сказали.

– Возможно, но я не запомнил надпись и ничего не могу сказать по этому поводу.

– Прочтите еще раз, – не унимался тот.

Я прочитал еще раз и опять ничего не понял.

Мужчина снова улыбнулся.

– «Но» – это «он».

Я взял листок.

– Написано задом наперед? «Онздесьзадверьюонтяжелодышитунегодлинныеногикурносик». Странная предсмертная записка, – пробубнил я.

– Как вы думаете, кто такой Курносик?

Я пожал плечами.

– Понятия не имею!

– Вы раньше не слышали это прозвище или похожее описание?

– Нет.

– Ясно. «Тяжело дышит за дверью». Какие у вас ассоциации?

– Ассоциаций конкретных нет, но подходит под описание какого-то странного существа. Чего-то неестественного. И еще «длинные ноги»... Если учесть контекст, то жутко.

– Так, – мужчина в очках снова потер подбородок. – Ну что же, уважаемый, прояснилось немного, точнее, все только запуталось. Но все равно спасибо. Прощаемся мы ненадолго. Уверен, нам еще придется коротать не один десяток минут в поисках интересного.

Поднявшись, мужчина протянул мне свою сухую крепкую руку, и я ответил рукопожатием.

– Кстати, о руках, – он продолжал сжимать мою ладонь. – Нам нужны ваши пальчики. Это не займет много времени, буквально пару минут.

– В каком смысле?

– Отпечатки.

– А, да, конечно...

– Пусть будут, – он улыбнулся и кивнул коллеге.

Впервые у меня брали отпечатки пальцев. Ощущения не из приятных. Вроде ничего плохого, но ощущаешь себя преступником. Совесть чиста, а сердце почему-то заводится, и глаза начинают бегать из стороны в сторону. Беспрекословность, смирение накрывают с головой, и ты стоишь с черными, как смоль, руками, киваешь и думаешь: «Пошли вы в задницу, служители закона! Не там ищите».

– Всего хорошего, – попрощалась девушка, закончив процедуру. Третий же человек так и не произнес ни слова. Они подошли к двери, и мой главный собеседник вновь повернулся и изобразил двумя пальцами вызов рвоты.

– Я бы вам посоветовал освободиться от пирожков.

– Уже, – кивнул я и проводил визитеров за порог.

На этот раз я запер дверь на все замки.

Без одной минуты понедельник. Обычно для меня новые сутки начинаются не в ноль часов, а в момент пробуждения. Сегодня я был уверен, что объятия Морфея меня не коснутся, но ошибся. Едва я закрыл дверь и сел на диван, как окунулся в молчание, и, пытаясь вникнуть в хаос в своей голове, сам не заметил, как задремал.

Мне снилась радуга. Как будто я вишу в воздухе и медленно поднимаюсь к ней. И вот она рядом, совсем близко. Я трогаю ее рукой, и от моего прикосновения она вдруг становится черно-белой...

Я открыл глаза. Затекшая шея и шум в голове – странное состояние. Окутанный пеленой мозг еще не проснулся. Иначе, как «тупить», это не назовешь. Я устался в одну точку и просидел так несколько минут. Над телевизором тикали часы, отбивая точный ритм происходящего. Именно так звучит жизнь: «тик-так, тик-так». Но думал я не об этом. Несколько первых секунд после пробуждения, вспоминая последние события, я был уверен, что это дурной сон, но вскоре убедился, что все очень даже по-настоящему. Радуга стекла, как акварель, и исчезла. Я прищурился и махнул рукой, отгоняя от себя дурные мысли.

Понедельник, 23 сентября

02:12

Никогда не любил просыпаться среди ночи. Вроде не хочешь в туалет, ничего не беспокоит, кругом тишина, но отчего-то просыпаешься. Не знаю, как вы, а я всегда пугался таких моментов. Я встал с дивана, разделся, погасил свет и подошел к двери ванной. Мысль, прострелившая мне висок, была неприятной: «Теперь, заходя сюда, я всегда буду представлять лежащий труп».

– Придурок, – произнес я вслух и резко открыл дверь.

Специально не включая свет, словно проверяя себя на вшивость, почистил зубы, помогился и, напевая, вышел в темный коридор.

– Завтра будет новый день, – прошептал я. – Все будет по-новому. Даже радуге иногда нужно отдыхать.

Я открыл форточку, завел будильник и лег в постель. Закрыв глаза, старался думать о хорошем, но заснуть не получалось. Быстрый монтаж сумбурных картинок не давал мозгу отключиться. Частые вспышки, словно стробоскоп, мелькали перед глазами: коридоры, лица, пальцы. Какие-то обрывки фраз, свист в ушах... Переутомление – отвратительная вещь. Очень хочешь спать, а уснуть не можешь. Словно организм издевается над самим собой.

Провалявшись неизвестно сколько времени, я задремал.

Разбудило меня пришедшее смс-сообщение – первое за несколько месяцев. Сообщение было отправлено с неизвестного номера и к тому же оказалось пустым. Я посмотрел на часы: 4:00. Сказать, что это удивило меня, – не сказать ничего.

«Простите, а кто это?» – ответил я, с трудом находя нужные буквы.

Через минуту снова пришло сообщение без текста.

«Может, не стоит так поздно и столь немногословно?» – снова отписался я.

Не заставляя себя долго ждать, кто-то на другом конце «провода» вновь ответил пустым смс. Я отложил телефон, повернулся на бок, закрыл глаза и поймал себя на мысли, что жду ответа.

Телефон молчал, а я так и лежал на боку, закинув левую ногу на одеяло, положив правую руку под голову.

Мой ночной собеседник замолк на некоторое время, но сигнал оповещения все-таки прозвучал снова. Загорелся яркий дисплей, и, взглянув на него, я почувствовал, как резко сузились мои зрачки. Это было немного болезненно. Глаза пытались сфокусироваться, с трудом привыкая к яркому прямоугольнику экрана.

В меню телефона я нашел папку «входящие сообщения», в ней отыскал «непрочитанные» и вновь обнаружил пустое смс. Я выключил телефон и через некоторое время наконец уснул.

07:30

Зазвонил будильник. Ох уж это утреннее пробуждение! Никак не могу к нему привыкнуть. Лежишь себе в теплой, мягкой постельке, на улице накрапывает дождь, дует холодный ветер, и так не хочется вылезать из-под нагретого за ночь одеяла. К тому же по утрам особенно холодно даже в квартире. Да и сон становится родным, и нет ни сил, ни желания с ним прощаться. Но, увы, будильник, словно хладнокровный палач, убивает сказку. Веки весят тонну, а в глазах – весь песок Сахары. В этот момент можно отдать все деньги в портмоне, лишь бы побаловать себя еще часиком сладкого и липкого сна, но уже без двадцати пяти восемь – пора вставать на работу.

Долго ждать автобуса не пришлось – всего минут десять. Он почти всегда приходит вовремя, за исключением дней, когда выпадает много снега. Но в дождливое сентябрьское утро автобус пришел почти по расписанию. Я всегда прихожу на остановку чуть раньше, чтобы подышать воздухом, рассмотреть обложки новых журналов и заголовки газет на витрине маленького киоска. Приветливо здороваюсь с другими ждущими автобус людьми, живущими в этом районе или оказавшимися здесь проездом. Чаще всего пропускаю мимо ушей банальные разговоры о погоде и новых выходах политиков. Наблюдаю за женщинами и мужчинами с опухшими, не проснувшимися лицами, с отпечатком вечных проблем и постоянного недосыпания. Одеты они, как правило, в серое или черное, усугубляя этим пасмурность сентября.

Сегодня, как и в предыдущие дни, на скамейке сидел пожилой мужчина, одетый более чем скромно, но всегда опрятно. Зашитый в нескольких местах старый плащ, растянутый свитер и коричневые вельветовые брюки из шестидесятых. Его кисти заметно тряслись, а пальцы непроизвольно барабанили по бедрам. Не помню, как называется эта болезнь; очевидно, он не мог контролировать тремор. Густые седые волосы средней длины, серебристая щетина и безнадежно грустные глаза в который раз привлекли мое внимание. Он был нищий, но его глаза, глубокие и усталые, глядели безо всякого намека на агрессию. Я ни разу не видел, чтобы он общался с кем-нибудь или просил подавание.

– Мерзкий денек намечается, – завел со мной разговор полный мужчина в темно-зеленом пуховике.

– Да уж, «погожий»! – с улыбкой ответил я.

– Говорят, в октябре похолодает до минус десяти! Климат ни к черту! Засрали природу, вот и получите! Заводы, машины, атомные бомбы...

Я натянуто улыбнулся в ответ и отвернулся, выискивая взглядом автобус.

Мужчина разговорился:

– Уже восемь сорок! Обычно он приходит в половину. Из-за этого автобуса я опоздаю на работу! Дела ни к черту... У моей жены климакс, сложное время. Всегда была душой, а теперь больная дура. И врут, что чем больше секса, тем позже женщина «вянет». Я заколебался оттягивать ее увядание, теперь хоть отдохну, – он нервно засмеялся, собрал мокроту и смачно плюнул перед собой. – А у тебя как с этим?

– С климаксом? Пока я не женщина, климакс не будет играть важную роль в моем сексуальном мироощущении. Постараюсь отделаться недолгой депрессией, – отшутился я.

– Что значит «пока я не женщина»? Ты же не можешь стать женщиной, ты же мужчина!

– Это ирония, – констатировал я.

– А, ирония... – так же спокойно произнес он.

На горизонте блеснули фары. Красное пятно на сером фоне улицы. Люди подошли ближе к проезжей части, мой собеседник резко отвернулся и направился в ту же сторону. Только седой мужчина из шестидесятых не тронулся с места и не изменил траекторию взгляда.

Двадцать минут – и я стою перед стеклянными дверями в офис небольшой компании, занимающейся изготовлением всяких рекламных безделушек. Ну, знаете, логотипы на майках, зажигалках, спичечных коробках или чашках... Это и есть моя работа. У нас это называется «серьезное рекламное агентство», но три маленьких комнаты и штат из девяти человек я бы не стал так громко величать.

– Доброе утро! – с улыбкой поприветствовал меня охранник.

– Доброе! – ответил я, проходя через турникет.

9:10

Я на месте.

Здесь все как всегда. Все те же персонажи с мелкими проблемами, которые раздуваются до вселенских масштабов. Вечный поиск виноватых и уникальный профессионализм в переводе стрелок друг на друга. В общем, все как у всех.

– Всем здравств! – выкрикнул я, войдя в офис, включил компьютер и уселся в протертое кресло.

Сегодня мне нужно показать боссу варианты логотипа маленькой компании «Чаша Грааля», изготавливающей фетровые шляпы. Затем заняться новой работой, хотя уверен, что буду доделывать старую, так как у моего шефа странный вкус, абсолютно непредсказуемый и никогда не совпадающий с моим. Я всегда удивлялся статистике: чем тщательнее делаешь свою работу, тем вероятнее, что она не понравится большинству. И наоборот: чем небрежнее, тем круче эта халтура ценится. Видимо, лень настолько глубоко сидит в людях, что те, сами того не замечая, выбирают в чужой работе схожее дерьмо. Как расти, если все попытки творить сводятся к уничтожению твоих стараний? Хотя, может, все не так. Возможно, я субъективен и вижу талантливость в собственном творчестве, как родитель, уверенный в красоте своих детей.

Я нажал кнопку «печатать» на мониторе компьютера и подошел к принтеру. Медленно, но честно он выплевывал листы бумаги, изувеченные моей дизайнерской мыслью.

– Я кое-что обнаружил. Привет, – раздался сиплый шепот за спиной.

Я обернулся. Это был наш системный администратор, высокий худой парень лет двадцати с редкими волосами цвета древесной коры и с лицом, покрытым угревой сыпью. Его длинные пальцы держали кружку с чаем, а в уголках губ собрались остатки печенья, которое он только что прожевал.

– Привет, – ответил я.

Он ткнул пальцем вверх.

– Есть кое-что еще более интересное...

– Что?

– С компьютером какая-то хрень, похоже на вирус, но я пока не могу разобраться. Вот.

– В смысле?

– Комп как бы пишет сам.

Я непонимающе улыбнулся:

– Что пишет сам?

– Короче, я сижу в онлайн, и мне приходит пустой месседж. Потом приходит какой-то набор букв, и таких сообщений штук двадцать, вот. Я проверяю IP-адрес, а он наш, офисный. Комп, по ходу, сам пишет какую-то херню. Вот я и не понимаю... – Он рассеянно поднес к губам кружку и сделал громкий глоток.

Я аккуратно собрал распечатанные листы.

– Наверное, кто-нибудь из наших?

– Не-а. Я им всем Инет отрубил и сеть заблокировал. Понимаешь? Но он мне, один хрен, пишет: то пустая страница, то чушь непонятная.

– И что ты думаешь?

– Пока не думаю, но буду. Вот, – ответил он и посмотрел на бумагу в моих руках. – Это че?

– Это? – я пересчитал листы, их было семь. – Это варианты логотипа «Чаши Грааля».

– Че за чаша?

– Фетровые шляпы делают.

– Мм... – он задумчиво уставился на мои рисунки. – Я думал, это сиська.

– Где сиська?

Он ткнул на один из эскизов.

– Если не присматриваться, то похоже на сиську. Типа, сиська, только без соска. Вот Или нет, вообще сосок крупным планом, ну, тот, что на сиське! Понимаешь?

– Нет, это форма шляпы, вмещающая в себе название и элемент чаши.

– Сиська прикольной, вот, – произнес свой вердикт, сисадмин удалился.

Я же стоял у принтера с вариантами «сисек» в руках и думал: зачем живут эти люди?

В четырнадцать тридцать приехал шеф, бросил в воздух «привет» и прошел в свой кабинет. По пути, не касаясь меня взглядом, он резко гаркнул: «Зайди» – и исчез в дверном проеме.

Через минуту, захватив семь своих шедевров, я пошел «на ковер».

В кабинете было прохладно из-за открытого настежь окна. Телевизор и компьютер были выключены. Начальник сидел за большим стеклянным столом, плечом прижимая к уху телефонную трубку. Ослабляя узел галстука одной рукой, а другой набрав добавочный номер секретарши, он потребовал двойной эспрессо без сахара.

– Чего стоишь? – сухо произнес шеф. – Садись.

Я сел.

– Что принес?

– Вот семь вариантов «Чаши».

– Ну-ка. – Он без особого интереса подвинул к себе листы и уставился в них. Повисла тишина. Было слышно лишь тяжелое дыхание толстяка и мат рабочих из открытого окна. Босс рассматривал мои работы с каменным лицом. Рыжеватая редкая щетина, расплывающаяся по мясистому второму подбородку и чуть более густая над верхней губой, напоминала живот эрдельтерьера. Глазки были маленькие, как у свиньи, утопающие в раздутых щеках и презрительно прищуренные. Засаленные волосы рыжего цвета, чуть завивающиеся на кончиках и прилипшие ко лбу от постоянной испарины, тоже не облагораживали его облик.

– Так, так, так... – задумчиво произнес он. – А тебе какой вариант больше нравится?

– Думаю, интересней всего... – Тут меня перебила секретарша, которая принесла кофе.

– Спасибо, деточка! – Босс улыбнулся и аккуратно взял чашку двумя пухлыми пальцами. – Или эта, или вот та, – так и не выслушав меня, сказал он, ткнув пальцем на картинку. – Скорее эта... – Он сделал глоток. Вдох, сопение, выдох. Вдох, сопение, выдох.

– Сегодня опоздал? – причмокивая, поинтересовался жирдяй.

– Кто?

– Ты, – прозвучал сухой ответ.

– Да нет, вроде вовремя пришел.

– А у меня другая информация, – глоток кофе, сопение. – Рабочий день у тебя с девяти?

Я молча кивнул.

– А ты пришел в десять минут десятого. Так что еще раз задам вопрос: сегодня опоздал?

Я улыбнулся, понимая, что фактически он прав, но это слишком похоже на придирку.

– Получается, опоздал, – ответил я.

– Хм... А говоришь, что не опаздывал. Обманывать плохо, ты знаешь? – Меня отчитывали, как первоклассника за двойку.

Вновь сопение и мат за окном, схожий с мыслями, что рождались у меня в голове в тот момент. Так мы просидели с минуту: я – глядя на него, а он – глядя на разложенные на столе листы бумаги.

– В общем, вот этот, – он пальцем отстранил листок от себя и развернул ко мне. – Вот этот.

Я спокойно встал и вышел из кабинета, так как начальник уткнулся в только что включившийся монитор, давая понять, что разговор закончен. Опустошенный беседой, я сел на свое рабочее место.

Стоит ли говорить, что из семи предложенных вариантов он выбрал именно ту «сиську», которая приглянулась дегенерату-сисадмину?

19:40

Я все еще на работе.

Вообще мой рабочий день заканчивается в восемнадцать часов, но я уже не помню, когда уезжал отсюда раньше двадцати. Шеф к этому времени уже отсутствует, как и те, кто мог бы сообщить ему, что я все еще работаю. Опоздал на десять минут – об этом докладывается моментально, а то, что я уйду на два часа позже, – это не в счет, вот как получается! Видимо, несправедливость стала нормой сегодняшнего дня.

20:10

Открылись входные двери, и в поры моего лица впился свежий осенний воздух. Было уже темно, и грузное небо опустилось почти до самых крыш домов. Над головой шептались деревья, под ногами шелестела листва. Доносились собачий лай и карканье ворон.

– О, прилетели... – улыбнулся я. – Да, ваше время.

Спешащие по домам люди хоть как-то наполняли жизнью городской пейзаж. Несмотря на слякоть и промозглый ветер, я решил прогуляться пару остановок перед тем, как сяду в автобус и проеду оставшиеся семь.

21:10

Вот и мой дом. Серая многоэтажка сливается с небом. Ее окна, как большие звезды, сверкают теплым оранжевым светом; в них видны силуэты вернувшихся домой хозяев. Ужин, телевизор и спать, а утром снова на работу. И так до выходных – день за днем, год за годом, жизнь за жизнью.

21:20

Я дома.

В квартире было прохладно. Я умылся, надел домашний халат и направился на кухню. Мне не хотелось есть, разве что горячего чая и сухариков с изюмом и маком. Я люблю макать их в чай и наслаждаюсь вкусом больше, чем любым тортом с кремом. В этой простоте я чувствую уют, и в такие минуты мне даже нравится, что мне нечем кичиться в жизни.

По телевизору показывали старое выступление Тони Беннетта. Интеллигентность происходящего на сцене согревала меня еще больше. Я уселся в кресло рядом с обогревателем, захрустел сухарями и, запивая их горячим чаем, погрузился в легкий джаз с привкусом мака и изюма. И тут мне в голову пришла отличная мысль – принять ванну! В обыденной суете мы часто забываем о таких приятных мелочах. Мы объясняем это усталостью, занятостью или забывчивостью, изо дня в день ограничиваясь быстрым душем и лишая себя фантастического удовольствия.

В ритме свинга я наполнил ванну, добавил пену, насыпал морскую соль с ароматом цитруса, когда-то и кем-то подаренную, и зажег свечи. Романтика! Это так просто, дело десяти минут, – и вот оно, блаженство!

Я медленно погрузился в удовольствие. Прохладная пена и горячая вода напоминали слоеный пирог: снизу тепло, а сверху холодит и пощипывает от миллионов лопающихся пузырьков. Еле слышный треск – словно убаюкивающий шепот... Я почувствовал, как тяжесть, прилипшая ко мне за день, растворяется в воде. Стало легче дышать.

– Господи, как хорошо! – прошептал я и незаметно провалился в дремоту.

Между сном и явью... Колыбель для тела и свобода для души. Я слышал, что когда человек засыпает, душа или какая-то ее часть покидает тело, отправляясь в путешествие по иным мирам, и сновидения – это отрывки увиденного за время странствий. В момент

дремоты, на грани сна можно почувствовать или увидеть нечто сверхъестественное, то, что практически невозможно встретить в состоянии бодрствования. Это пугает и интригует одновременно.

В детстве я часто застревал в полусне. Часть меня уже спала, тогда как другая полностью отдавала отчет в происходящем – как на «физике», так и в «астрале». Я словно контролировал себя в двух реальностях. Так, застревая в этом состоянии, я нередко чувствовал чье-то присутствие и даже прикосновения. И, хотя в момент пробуждения здравый смысл списывал все на дурной сон, где-то глубоко в подсознании я точно знал, что это совсем не так, поскольку есть разница в ощущениях и в послевкусии. На уровне инстинкта человек точно понимает энергию смысла. Сон, каким бы глубоким он ни был, останется лишь сюжетом со смыслом. А бывает бессмыслица, на первый взгляд, которая позволяет чувствовать нечто тонкое и настоящее – то, что заставляет запомнить увиденное и думать о нем. К тому же, если непонятен смысл, это еще не значит, что его нет. К счастью, мы не одиноки в ощущениях, иначе можно было бы окончательно запутаться и сойти с ума от прикосновения с чем-то противоестественным. В общем, именно на таком рубеже я и застрял тогда.

Я лежал, закрыв глаза. В полусне вдруг почувствовал во рту вкус шоколада – густой, чуть горьковатый, но нежный, молочный с кофейным привкусом и еле ощутимым ароматом орехов.

Из крана падали капли – одна в несколько секунд. Я видел удар каждой из них о воду и тягучие брызги, как при макросъемке. С закрытыми глазами я видел всю ванную комнату в подробностях, словно мои веки прозрачны. Похоже, меня нет, и я – лишь комок ощущений...

Горячая вода, еле слышно шипящая пена и капли: кап-кап... кап-кап... кап-кап... кап-кап... Руки и ноги полностью расслаблены, я перестал их чувствовать, как и все тело. Мне нравилось это состояние почти космической невесомости. Состояние спокойствия и комфорта. Тишина вокруг и капли... Легкий гул, словно падают и разбиваются они в большом холле; звук начал летать, стал объемным. Я заметил, что погружаюсь все глубже в мир сновидений, но, как ни старался отключиться полностью, не переставал контролировать происходящее. Осматриваясь в этом пространстве подсознания, я пытался уловить каждый звук, каждое изменение в ощущениях, которые оставались обычными, но воспринимались совсем под иным углом. Словно я смотрел в зеркало под таким ракурсом, что не видел своего отражения, и малейший сдвиг, малейшее изменение наклона – и все вернется в привычное русло. Но я не спешил.

Кап... Кап... Эхом разлетались брызги от падающих капель. Я поймал себя на том, что неосознанно считаю их, понимая при этом, что знаю точное количество, но не могу озвучить, поскольку цифры слишком непринципиальны. Я ощущал намного больше того, что можно измерить простой человеческой мерой. Очень странное чувство: больше свободы, меньше привязанности ко всему окружающему. Я, казалось, мог делать то, что думаю, и даже не думать о том, что делаю. Я ничего не делал, но при этом заранее ощущал полную палитру всех чувств от любого своего действия, которое мог себе представить. Я слышал аромат утра в Альпах, осязал кожу питона на кончиках своих пальцев, чувствовал удушение и давление земли в момент погребения заживо – достаточно было просто подумать об этом.

Кап... Кап... Кап... Словно в огромном храме... Кап... В пустом храме... Кап... Кап... В храме, не имеющем ничего общего с добром и злом, жизнью и смертью, сиюминутным и вечным. Он просто есть. Странное пространство, где все иначе.

Я застрял на грани, где было хорошо и страшно, любопытно и в то же время очень знакомо. Я уже бывал здесь, но каждый раз находил все новые и новые оттенки происходящего. Это иной мир, в котором мы бываем каждую ночь, не замечая, что нам открыты двери как входа, так и выхода. Пока живы, мы спокойно путешествуем туда и обратно. Но однажды мы сможем лишь войти туда, надолго потеряв выход обратно – в наш мир. Окажемся там,

где нет тех границ, к которым мы так привыкли, которые нам необходимы, чтобы чувствовать себя защищенными. В сущности, мы всю жизнь защищаемся от отсутствия границ. Охраняем жизнь, в которой все построено на том, чтобы сделать себе лучше, безболезненнее, слаще, безопаснее. Всячески ограждаемся от неминуемого финала. Все те мгновения, которые подарены нам свыше, мы тратим на предотвращение того, что предотвратить невозможно. Бессмысленный и глупый сценарий, по которому мы живем ежесекундно. Пребывая в полусне, я понял, насколько это глобально и ничтожно одновременно. Ничтожно то, что мы с этим сделали – возвели в культ собственную тюрьму под названием «страх».

Я лежал в воде и улыбался. Мне нравилось то, что мне открывается. Каждая мысль была почти осязаема.

Резкий удар заставил меня вздрогнуть. Он был четкий, громкий, но далекий. Всего один удар.

Кап... кап... В тишине все так же звучали капли. И вдруг снова, на этот раз чуть ближе и не так громко, – глухой, плотный удар. Природа и источник его мне были не ясны. И вновь тишина, гул в ушах и глубокая тишина. Второй удар мне запомнился особенно...

Давным-давно, когда я был маленьким мальчиком лет шести, мы с мамой стояли в очереди в небольшом магазинчике – не помню, за чем именно. Было жарко и душно, люди стояли слишком близко, грубо вторгаясь в личное пространство друг друга. Прелый, спертый воздух кишел запахами тел, духов и пота. И в этом букете ароматов угадывались лишь головная боль и нервозность, следующая по пятам за духотой. Помню, я не мог найти себе места и, переминаясь с ноги на ногу, мечтал поскорее уйти из этого муравейника.

Рядом с нами стояла полная женщина с грубыми, почти мужскими чертами лица, а перед ней – старичок лет восьмидесяти, сутулый и опрятный. Посреди суеты и недовольства он был совершенно спокоен и отрешен. Я смотрел на него некоторое время, не отрываясь, и старик, почувствовавший мой пристальный взгляд, медленно обернулся. У него было симпатичное, доброе лицо, усеянное пигментными пятнами и чуть искаженное паутиной морщин, с отпечатком потерянности во времени оттого, что не успел заметить, как оно пролетело. И глаза, в которых совсем не было жизни. Мертвый взгляд, смотрящий сквозь меня, глаза с матовой пеленой, без блеска, точно высохшие на солнце. Глаза восковой куклы. Не прошло и пары секунд, как вдруг его ноги подкосились, и, не отрывая от меня взгляда, старик рухнул на копчик, шлепнув расслабленными кистями рук об пол. От удара голова запрокинулась назад и потом стукнулась о бетонные плиты с таким звуком, словно череп раскололся надвое. Звук был похож на хлопок в ладоши и одновременно на стук деревянной палкой по пустой пластмассовой коробке. Я навсегда запомнил гул бетонного пола магазина и неестественную вялость его тела. Он напоминал марионетку, которую ни с того ни с сего отпустил кукловод. Подбежали люди, кто-то крикнул:

– Врача!

Некоторые отстранились. Но большинство, глядя с любопытством, даже не сдвинулись со своих мест, поскольку действительно важным для них было лишь место в очереди.

Деда пошлепали по щекам, и через минуту он открыл глаза, непонимающе глядя на всех снизу вверх, потерявшийся уже не только во времени, но и в пространстве.

Я видел его глаза за секунду до потери сознания и сразу после; это были два разных человека. Перед падением он казался не от мира сего, а сейчас и не помнил меня – того, кто почему-то заставил его обернуться.

...Лежа в ванне в тишине, я вспомнил этот звук – необычный, сильный, рисующий перед глазами ударяющегося головой об пол человека. Вряд ли бы я спутал его с сотней схожих. Любой, кто хоть раз слышал, как падает человеческое тело, подтвердит, что это особенный звук.

Я чувствовал, что удар повторится, и мне не пришлось долго ждать. Звук шел сверху. Из сорок седьмой квартиры.

Удар. Еще удар. Настойчивые, тяжелые, перемежающиеся биением моего сердца. Я не мог представить, что может стучать там, где еще вчера лежал труп? Квартира пустая, ее опечатали, я знал это наверняка.

«Возможно, звуки исходят вовсе не сверху. Скорее всего, я путаю направление и зачем-то ишу в этом смысл. Надо мной пустая квартира, и там никто ничем не может ни обо что биться. Я просто слишком впечатлителен», – убеждал я себя. И только стал успокаиваться, как вновь раздался мощный удар сверху, и на сей раз что-то покатилося из ванной в коридор, словно уронили шар для боулинга. Теперь, когда звук был продолжительным и я успел распознать его траекторию, стало понятно, что сорок седьмая квартира не столь пуста, как я думал. Кто-то был там, не скрывая своего присутствия.

Кому и зачем это понадобилось? Я вновь прислушался: тишина. Возможно, этот кто-то понял, что был неосторожен, и теперь старается быть тише.

Мне стало холодно, словно с меня стянули теплое одеяло и оставили лежать обнаженным под проливным дождем. Сжались скулы, и я почувствовал, насколько напряжен – будто зацепился пальцами за уходящее тепло и вишу над ледяной пропастью. Любое движение – и я навсегда провалюсь в безграничный и безликий холод.

Почему я так резко замерз?

Минуту спустя над моей головой снова послышался невнятный звук, словно кто-то скреб потолок чем-то острым. Очень тонкий, назойливый скрип. Я уже не вслушивался, а просто лежал и слушал. С каждым разом этот звук все глубже и наглее врезался в мою черепную коробку – так, что я начал ощущать его физически.

Все быстрее и жестче! Уверенные скребки чем-то твердым по полу соседской ванной, как по холсту, по моему мозгу – как по экземпляру на столе у патологоанатома, еще и еще. Казалось, если так продлится больше минуты, я вот-вот увижу что-то, прорывающееся сквозь штукатурку моего потолка. Раз за разом, все громче и громче! Все настырнее и уверенней, уже совсем рядом! Четче и четче! Еще секунда – и кто-то, прижавшись к полу в ванной сорок седьмой квартиры, взглянет на меня сверху через процарапанную полосу, соединяющую мою квартиру с тем ужасом, что застыл в глазах мертвой старухи...

Я открыл глаза и громко вдохнул. Темно. Сердце выскакивало из груди. Грудная клетка была сдавлена водой, которая выплеснулась за края ванны от резкого движения, то и дело шлепая по моему подбородку. От пышной пены не осталось и следа; очевидно, прошло немало времени с того момента, как я решил здесь погреться. Я замерз, и от напряжения свело челюсти. Оглядевшись по сторонам, не понимая, что произошло, я запрокинул голову и посмотрел вверх. Там плясали тени от догорающей свечи, и спокойный серый цвет штукатурки не был испорчен никакими царапинами. Прислушался: тишина.

«Господи, почему вдруг так тихо?» – подумал я, пытаюсь уловить хоть какие-то звуки, но слышал лишь собственное дыхание, отражающееся от стен, и редкие всплески воды.

Глядя на потолок, я все еще ждал пугающих звуков, но прошло несколько минут без каких-либо шорохов сверху. Умыв лицо замерзшими руками, я с трудом поднялся на ноги и, дотянувшись до полотенца, шагнул на кафель.

Неужели приснилось? Неужели я настолько устал, что уже не отличаю явь от сна?

Я хорошенько обтерся, надел халат и спустил воду. Она зашумела, исчезая в сливном отверстии, образовав небольшую воронку. По мере того как уходила холодная вода, в мое тело возвращалось тепло.

Сидя на краю ванны и согреваясь под полами халата, я вспомнил, что зажег свечу, но при этом не выключил свет. Непонятно, почему тогда я сижу в темноте, которая пожирает последние всплески догорающего пламени? Я встал, щелкнул выключателем: ничего. В этот

момент погасла и свеча, выплюнув из последних сил немного дыма. Я вышел в темный коридор, проделал с выключателем то же самое, но тщетно.

«Опять нет электричества. Черт».

После неприятного пробуждения отсутствие света казалось немного зловещим. Я достал из ящика на кухне свечу и зажег спичку. Искры, пламя и два пальца, оранжевых от огня, – я это видел много раз. Но после того, как проделал то же самое в сорок седьмой квартире за секунду до того, как увидеть труп, мне и это показалось пугающим.

«Взрослый человек, а боишься, как малыш». Я попытался улыбнуться.

В собственной квартире мне было страшно и неудобно, и я ничего не мог с собой поделаться. Хотелось горячего чая. «Ага, попробуй подогреть его спичкой». Плотнее запахнув халат, я подошел к окну.

За окном царилась ночь. Пустые улицы были погружены в глубокую темноту. Фонари стояли, как бесполезные столбы, – без света в них не было никакого смысла. И лишь изредка проезжающие машины напоминали этому городу о наличии в нем цивилизации, разрезая крошечную тьму неяркими лучами фар.

«Видимо, отключили электроэнергию во всем районе».

Дождь и ветер набирали обороты, хозяйничая в безжизненных переулках. Я смотрел на все это с пятого этажа; перед моими глазами буйствовала непогода, а за спиной правила тишина. Единственное, что связывало два мира по разные стороны стекла, – это мгла, окутавшая собой все вокруг и прилипшая к моим зрачкам. Дождь хлестал листву, и капли, словно раненые птицы, пытались влететь в окна, разбиваясь о стекла вдребезги. Ветер скашивал потоки воды с небес, то и дело меняя направление, задевая кроны деревьев и ошпыливая ветки, разбрасывая вокруг полумертвые листья.

«Интересно, который час?» Я отошел от прохладного стекла к маленькому журнальному столику, на котором рядом со свечой лежал мобильный телефон, и, усевшись в кресло, включил его. Яркие краски маленького экрана резали глаза; я настолько привык к темноте, что зажмурился.

На часах было пятнадцать минут первого. Несмотря на легкую сонливость, я понимал, что уснуть сейчас не смогу.

«Ни почитать, ни посмотреть телевизор...»

Так я и сидел бы в кресле, не понимая, что делать дальше, если бы не сигнал о том, что пришло новое сообщение. Я вздрогнул. Нервы совсем сдали! Уставившись в дисплей, я снова увидел пустое смс от неизвестного абонента. Но сегодня меня это скорее обрадовало: общение было весьма кстати, хотя бы виртуальное.

«Здравствуйте», – я нажал клавишу «отправить».

Минуту спустя вновь пришло пустое смс: «_».

«Интересное общение получается, не правда ли?:)».

«_»

«Для чего вы это делаете?» – не унимался я.

«_»

«Так и будем молчать?»

«_»

«Тогда спокойной ночи. Больше не вижу смысла писать».

И вдруг одна буква:

«ъ».

«Это уже что-то! Вы делаете успехи!:)».

Переписка выглядела глупо, но я не хотел прекращать ее. Мне было важно, что кто-то, как и я, не спит в эту жуткую ночь. К тому же твердый знак в ответ на несколько моих вопросов еще больше интриговал.

«Ъ».

«Ух ты, другая буква! Попробуем весь алфавит? А потом попытаемся собрать несколько букв в слово!» – я пытался шутить.

Ответ не заставил себя долго ждать.

«Темно».

«Темно?» – уточнил я.

«Темно», – повторил незнакомый абонент.

«Так включите свет!»

«Включить свет?» – переспросил он.

«Да, просто включить свет!:)», – улыбнулся я.

«А почему ты просто не включаешь свет?»

«А с чего вы решили, что я его не включил?» – я сохранял некую игривость.

«А почему ты решил, что темно у меня?»

«Я ничего не решал, это вы написали, что темно».

«Никто не писал, что темно вокруг меня».

«Значит, темно вокруг меня?» – уточнил я.

«А разве нет?» – ответил абонент.

Надо признать, такой атаки я не ожидал и немного растерялся, поскольку искренне не понимал, откуда этот кто-то может знать, что я сижу в темноте.

«Света нет по всему городу», – я решил блефовать.

«Ты видишь весь город?» – пришел ответ.

«Конечно, нет, но я знаю».

«Я тоже знаю».

«И что ты знаешь?» – поинтересовался я.

«Я знаю то, что вижу, а вижу то, что вокруг тебя темно».

«Не знаю», – я был немного растерян.

«Мы знаем одно и то же».

«Что именно?»

Мой собеседник помолчал несколько минут и написал:

«Мы оба знаем, что темно не во всем городе».

«Почему вдруг такой вывод?»

«Какой?»

«Что темно не во всем городе. Весь город видишь ты?»

Собеседник снова ответил:

«Конечно, нет, но о многом можно знать наверняка, даже не видя этого».

«Значит, ты знаешь наверняка, что не во всем городе нет света, не видя этого?»

«Я знаю наверняка то, что ты в темноте».

«Тоже не видя этого?»

«Нет, я вижу».

Эта переписка могла бы казаться полным бредом, если бы я не находился в полной темноте, и кто-то странный не сообщал мне об этом.

«Ты видишь меня сейчас?» – прямо спросил я.

«А как ты думаешь?» – пришел ответ.

«Думаю, что нет».

«На то и дана темнота людям, чтоб ничего не видеть».

«Значит, ты не видишь?»

«Все относительно».

«И загадочно... Откуда у тебя мой номер?» – я был в замешательстве.

«Ты думаешь, это проблема?»

«Не проблема, но тем не менее...»

«Это было просто».

«А для чего?»

«Чтобы написать тебе».

«Зачем?»

«Потому что ты ответишь».

«А что, многие не отвечают?»

«Многим не пишу».

«Значит, моя уникальность в том, что я точно отвечаю на смс?»

«Не думаю, что одиночество можно назвать уникальностью», – последовал ответ.

«А я одинок?»

«Убери вопросительный знак. Это и есть ответ».

«Мы знакомы?»

«И да, и нет».

«Может, хватит загадок?»

«Может, и хватит».

«Как тебя зовут?»

«Имя – лишь набор букв».

«А что, лучше порядковый номер?» – сострил я.

«Возможно. Он хотя бы не повторяется».

«И какой номер у тебя?»

«Сорок семь».

«Почему именно сорок семь?»

«Хорошее число».

«А почему не сорок восемь?»

«Потому же, что и не сорок шесть».

«Юмор?»

«Нет».

«Надоела твоя загадочность», – подытожил я.

Мой собеседник не отвечал. Я битый час ходил вокруг да около, так ничего и не выяснив. Во всяком случае, я так и не понял, кто этот человек, который пишет мне ночью странные сообщения. Сидя в кресле, закинув ноги на маленький журнальный столик, я чувствовал себя идиотом, потому что продолжал держать телефон в руке.

Дисплей погас. Сообщения не обновлялись, придавая переписке еще большую запутанность. Я сидел, уставившись в одну точку, видя лишь очертания квартиры в блеклых оттенках маленького пламени и ни о чем не думая, ни в чем не разбираясь, слушал тишину.

Казалось бы, тишина означает беззвучие. Но, вслушиваясь, понимаешь, что это совсем не так. В суете и шуме мы забываем о спокойствии. И, как только привычное прекращает издавать звуки, мы называем это тишиной. Машины, люди, музыка, все это и многое другое, от чего устают уши, – неотъемлемая часть нашей жизни. Но когда мы оказываемся вне всего этого, мы погружаемся в комфорт. Мы разучились слышать то, что тише интересующих нас децибел. То, что может быть не менее важным. Не слушая этот особый тихий мир, мы перестаем слышать самих себя. Давно ли мы слушали, как живет наш дом? Как внутри стен бежит электричество, как стонут трубы? Как общаются деревья с ветром? Как отвечают раскаленные плафоны фонарей своим маленьким назойливым гостям – всевозможной мошкаре? Давно ли мы слушали биение собственного сердца? Давно. Даже находясь вне привычных шумов, мы все равно погружаемся в мысли о телефонных звонках, пробках, о завтрашнем отъезде или о вчерашнем скандале. А вокруг нас целый мир – мир тишины. Мир со своей палитрой звуков и неисчерпаемым изобилием мыслей и информации.

Я сидел и слушал. Смотрел на пламя и слушал...

Треск огонька на конце фитиля. Шипение не успевающего закипать и сгорающего воска. Тиканье часов над телевизором, отчетливое и отрывистое, как метроном, и тонкое, как острие иглы: тик-так, тик-так. А сквозь отсчет секунд доносился еле уловимый ритм часового механизма, суетливый, но безупречно ровный. Чуть левее был слышен низкий гул труб: тяжелый, но в то же время прозрачный звук, то надвигающийся, то исчезающий в стенах. Еле слышная редкая капель из крана в ванной... Или, например, стекла, их невнятная тональность, похожий на песню стон, который они издавали, выдерживая резкие порывы ветра. Чуть дребезжа, сопротивляясь натиску стихии, они пели гимн самим себе, как моим единственным защитникам от разгулявшейся за окном бури.

Капли, бьющиеся о стекла, далекий скрип деревьев. Шелест листьев, настолько густой, что сродни шуму океана. И тонкое сопрано ветра, попавшего в щель крыши, прохудившейся от дождей и снегопадов... Все это я впитывал в себя, как губка, словно закодированную информацию, которую так и не расшифрую до конца своих дней. Все, что является частью меня и этого странного мира с истиной, непостижимо большой и потому непонятной, с ненужной, ничтожно мелкой суетой, которая возводится в ранг необходимого, главного... Я слушал тишину. Я слушал себя.

Вторник, 24 сентября

Впервые за несколько последних дней выглянуло солнце. И, несмотря на то что заснул я довольно поздно, разбудил меня не будильник, а солнечные лучи, ворвавшиеся в спальню сквозь занавешенное окно. Открыв глаза, я первым делом взглянул на часы: двадцать минут восьмого. Мысль о том, что я мог не услышать сигнал будильника, окончательно разбудила меня, но увидев, что в запасе еще целых десять минут, рухнул обратно на подушку. Совсем как воскресным утром, я понежился в постели, протирая глаза, встал и лениво направился в ванную, затем на кухню, затем к шкафу с одеждой, и автоматически, не замечая ничего вокруг, вышел из подъезда.

Утренний чистый воздух, шум просыпающегося города и солнечные лучи, то и дело прорывающиеся сквозь хлопья облаков, улучшили мое настроение, и я подошел к автобусной остановке, улыбаясь новому дню.

Насколько все-таки мы зависим от погоды! Достаточно выглянуть солнышку и подуть теплему ветерку, как на лице расцветает улыбка, и все вчерашние хлопоты кажутся не такими уж важными.

Люди на остановке не замечали погожего дня. Подъезжали автобусы и сигналили машины, а я чувствовал, что кто-то свыше подарил нам утро, наполненное красками и солнечным светом. В такие моменты хочется поделиться радостью с окружающими, обратив их внимание на то, что происходит вокруг – такое обыденное и одновременно такое чудесное.

Я огляделся, выискивая хоть одно лицо, не исковерканное гримасой повседневности и печали. Увы, но даже женщины, с их чувственностью и неистребимой верой в романтику, похоже, сдались в борьбе с серостью и позабыли, что такое свет в глазах. Наверное, снова и снова встречая прекрасного принца на белом коне, который на глазах превращается в пузатый мякиш на грязном осле, поневоле разочарованно склонишь голову. Может быть, вера в сказки не так полезна для восприятия мира таким, какой он есть. Да и какой он есть, этот мир, со всеми его горестями и скитаниями, радостью и успехом? Сразу и не разберешь.

До прибытия автобуса остались считанные минуты, а я, думая о своем, разглядывал обложки журналов на витрине киоска.

– Удивительно – солнце! – произнес сиплый голос за спиной.

Обернувшись, я увидел сидящего на краю скамейки старика. Того бездомного, который всегда здесь. Впервые услышав его голос, я улыбнулся:

– И правда, удивительно. Учитывая ночной ливень, и вовсе чудо! Надо же, куда подевались все тучи?

Старик еле заметно прищурился:

– Все в этом мире появляется из ниоткуда и уходит в никуда.

– Да, – подхватил я. – Можно рыться в научных работах и искать объяснения, но, находя их, только лишаешь себя веры в чудеса.

Он улыбнулся.

– Моего внука никакими объяснениями не убедишь в том, что подарки под елкой оставляет не Дед Мороз. Если сам не захочешь, никто не лишит тебя веры: ни доводы ученых, ни факты материалистов.

Я немного удивился тому, как этот человек строил свои фразы: его внешний вид говорил о простоте и не намекал на образованность. Понятно, что люди могут выглядеть по-разному, и не надо встречать по одежке, – бла-бла-бла! – но я действительно был удивлен. Все мы порой забываем взглянуть в глаза собеседнику и увидеть там мысли, прежде чем услышать эти мысли в его словах.

– У вас есть внук? Сколько ему?

Старик продолжал улыбаться и смотреть прямо перед собой.

– Ему уже десять лет, смысленный мальчик. Говорят, главный заводила в классе. При этом пишет всем контрольные, помогает.

– И все еще верит в Деда Мороза? – улыбнулся я.

– Он верит в чудеса. А Дед Мороз – это ведь не чудо, он и правда есть. В то, что он существует, не нужно верить, это достаточно знать.

Я смотрел на пожилого человека, и улыбка не сходила с моих уст. Он как будто и сам верил в Деда Мороза.

– Вынужден с вами согласиться, – сказал я. – Иногда сам гляжу под елку и ловлю себя на надежде увидеть там подарок. Не купленный, а самый настоящий волшебный подарок!

Старик улыбался, и я улыбался. Внутри все цвело и искрилось. Я почти ощутил аромат мандаринов, снега и тайн, – аромат Рождества. Вдохнув полной грудью свежий осенний воздух, я закрыл глаза. И лишь резкий сигнал клаксона вернул меня на землю.

– Вот и мой автобус, – с сожалением произнес я.

Он медленно поднял глаза, и мы встретились взглядом.

– Торопитесь, а то затолкают, да еще и настроение испортят, – тихо произнес он, бросив добрый взгляд на толпу, спешащую в открытые двери автобуса, словно в райские врата.

Мне стало стыдно за суетливых невежд перед этим спокойным и умным мужчиной, который казался не от мира сего. Я повернулся и шагнул в сторону автобуса, но снова услышал сиплый голос бездомного.

– Когда вы вернетесь, я еще буду здесь.

Я едва успел запрыгнуть в автобус. Издав шипящий звук, похожий на выдох, консервная банка на колесах медленно тронулась с места, а пассажиры – кильки с каменными лицами – уставились кто куда. Сквозь заляпанное стекло я видел, как мой собеседник провожает меня взглядом. В его глазах читались и грусть и радость одновременно. Мудрость, уверенность и в то же время растерянность и незащищенность. Глаза несчастного человека, который в глубине души своей, возможно, счастливее многих. Взгляд отца и деда, взгляд старости, принимающей свою безысходность достойно. И я вдруг почувствовал умиротворенность, увидев в отражении его души правильное отношение к финалу: спокойствие. Когда остановка исчезла из виду, я развернулся, оперся о двери и подумал: «Надо позвонить папе».

9:00

Я на работе.

Зайдя в офис и снимая пальто, как всегда поздоровался с секретаршей. Сегодня придраться к моей пунктуальности ни у кого не получится.

– Доброе утро.

– Здравствуйте, исправившийся работник.

– Солнышко на улице, так хорошо! – произнес я, поправляя вешалку и не обращая внимания на колкости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.